



Вадим Александрович Човган,
аспирант
Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков

УДК 343.8

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ И ИХ ОБЯЗАННОСТИ КАК ФОРМЫ ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ

В статье анализируются такие формы ограничений прав осужденных, как обязанность и специфическое субъективное право. Приведены примеры, как эти формы ограничений могут проявляться в законодательстве. Показано, что обязанность всегда является ограничением прав осужденных. Рассмотрены случаи, в которых специфическое субъективное право может быть формой ограничения права осужденного.

Ключевые слова: ограничение прав осужденных, правоограничения, осужденные, пенитенциарная служба, исполнения наказаний, уголовно-исполнительная система, права осужденных.

Понимание правовой природы ограничений прав осужденных невозможно без исследования их форм. Последние – явление многоаспектное и, учитывая недостаточность научных исследований на эту тему через призму уголовно-исполнительного права, в котором специфика правоограничений продиктована их специфической правовой природой (они одновременно являются содержанием наказания согласно ст. 50 Уголовного кодекса Украины), перспективным для теоретического анализа. Поскольку количество этих форм значительное, в статье мы проанализируем наиболее интересные и сложные с научной точки зрения.

Проблема непосредственно связана с правоприменительной и нормотворческой практикой, с научными задачами обеспечения надлежащего изучения путей обеспечения и гарантирования прав человека после осуждения по приговору суда, а также их законодательной защиты от необоснованных и нецелесообразных утеснений, ограничений, обременений и т. д. Категории «ограничение прав», «ограничение» часто используются в общих международных стандартах по правам человека, таких как, например, Европейская конвенция о защите прав и основополагающих свобод, так и в тех, которые касаются специфики прав осужденных, например, в Европейских тюремных правилах. Кроме того,

эти категории используются и в Конституции Украины, Уголовно-исполнительном кодексе Украины (УИК Украины), других актах уголовно-исполнительного законодательства. Также их часто можно встретить и в доктрине по вопросам исполнения наказаний, правда, чаще как «правоограничения» и без объяснения того, что следует понимать под этим понятием. Определение форм ограничений прав осужденных, с нашей точки зрения, необходимо в связи с наличием в указанных актах национального и международного законодательства требований к ним, воплощение которых, очевидно, является достаточно сложной, если не невыполнимой задачей, без понимания того, как, собственно, и в каких формах ограничения проявляют себя в законодательстве. То есть для того, чтобы требования, предъявляемые этими актами, например, целесообразности, необходимости в демократическом обществе, минимальности, и другие были соблюдены, нужно знать, на что именно они распространяются.

Сегодня в уголовно-исполнительном праве, к сожалению, отсутствует не только единый взгляд на указанную проблему, но и даже разрозненные научные исследования. Эта проблема в основном исследовалась в рамках конституционного права и в некоторой степени – в общей теории права. Авторами отдельных работ, которые помогли нам в формировании умозаключений, являются Я. А. Колинко, В. Г. Красовская, О. В. Осинская, И. М. Панкевич, П. Н. Рабинович, Н. Н. Султыгов, О. И. Тиунов и некоторые др. Впрочем, нерешенной частью проблемы остается правовая природа ограничения прав осужденных вообще. Она только косвенно упоминалась и анализировалась советскими учеными (А. А. Беляев, И. С. Ной, В. И. Селиверстов, Н. А. Стручков).

Цель нашей статьи – обосновать выводы касательно специфических прав и обязанностей как форм ограничения их прав путем анализа таких прав и обязанностей осужденных.

Для осужденных, лишенных свободы, установлено немало специфических обязанностей. Эта специфика может заключаться в том, что они вообще не предусмотрены для свободных граждан, поскольку есть атрибутивными по отношению к процессу исполнения-отбывания наказания (выполнять работы по благоустройству колонии (ч. 3 ст. 107 УИК Украины)).

Еще Г. Гегель писал, что обязанность является ограничением [1, с. 202]. Однако место обязанности в системе средств правового регулирования до сих пор несколько запутанно. Его рассматривают и как правовое ограничение, и как правовой запрет, и одновременно как стимулирующий фактор.

Правильной представляется точка зрения, согласно которой юридическая обязанность по своей сути является правовым ограничением обязанной стороны [2, с. 50]. А. А. Беляев писал, что именно в обязанностях субъекта уголовно-исполнительных отношений следует искать проявление кары в наказании в виде лишения свободы [3, с. 72].

Известно, что обязанностью является мера необходимого поведения. Обязанность может быть как активной (лицо, на которое она накладывается, обязано совершить активные действия, сделать то, что ею предписывается), так

и пассивным (лицо, которому она вменяется, должно воздержаться от совершения определенных действий).

По сути, как активные, так и пассивные обязанности являются запретами, а запреты всегда ограничениями [4, с. 569-571]. Примером может послужить ч. 1 ст. 9 УИК Украины, где указано, что осужденные обязаны являться по вызову администрации органов и учреждений исполнения наказаний. Из этой нормы следует, что им запрещается не являться по таким вызовам.

Что касается активной обязанности, то она свидетельствует о необходимости совершения активных действий, тем самым запрещая не совершать их. Например, в соответствии с п. 29 Правил внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний осужденные обязаны содержать в чистоте жилые и служебные помещения, рабочие места, по установленному образцу заправлять кровати.

Существуют и обязанности осужденных, содержание которых включает в себя элементы как активной, так и пассивной обязанности. Среди них можно считать обязанностью вежливо относиться к персоналу, другим лицам, посещающим учреждения исполнения наказаний, а также к другим осужденным (ч. 1 ст. 9 УИК Украины), что означает как необходимость не совершать действий, свидетельствующих о невежливости, так и совершать действия, которые являются вежливыми – здороваться и т. д., обязанность соблюдать нормы, определяющие порядок и условия отбывания наказания, распорядок дня колонии, правомерные взаимоотношения с другими осужденными, персоналом колонии и другими лицами, и некоторые другие.

В пользу того, что любая юридическая обязанность содержит запрет как разновидность правового ограничения, свидетельствует и то, что за его несоблюдение предусмотрена возможность применения санкций. Как пишут Н. И. Матузов и Б. М. Семенко, суть юридической обязанности заключается в требовании необходимого, нужного, должного, полезного, целесообразного с точки зрения государства, власти, закона поведения субъекта. Это поведение обязательно, беспрекословно и обеспечивается в случае «непослушания» мерами государственного принуждения [5, с. 68]. Применение санкций становится возможным только при нарушении запрета. Санкции представляют собой указание на меры государственного принуждения, применяемые в случаях нарушения правового запрета [6, с. 115]. Это отражает диалектическое единство санкций и запретов.

Закрепление в законодательстве обязанности сужает содержание и объем существующих прав и свобод, так как она в любом случае уменьшает меру возможного поведения, то есть ограничивает субъективные права. Установление обязанности неизбежно касается правомочий лица. Хотя не все ученые разделяют точку зрения о том, что обязанность неизбежно является правовым ограничением, указывая на то, что в ряде обязанностей осужденного ограничиваются права граждан, и тем самым допускают существование обязанностей – неправовых ограничений [7, с. 36].

Что касается возможности признания ограничениями так называемых специальных или специфических прав, на первый взгляд, вообще сложно согласиться с тем, что закрепление субъективного права можно считать ограничением права. В доктрине существуют прямо противоположные позиции по этому вопросу, однако, по нашему мнению, пока на него ни один из исследователей не дал ответа, который можно было бы принять за базовый. Все имеющиеся позиции имеют отрывочный характер, в них не прослеживается четкое понимание правовой природы специальных прав, а именно, в контексте возможности признания их правовыми ограничениями.

Не в последнюю очередь такое положение дел связано с тем, что не существует даже единого понимания определения этих прав. Одни считают, что это новые права, распространяемые только на осужденных [8, с. 174], другие, – что это права, которые не входят в общий правовой статус граждан [9, с. 22] или же их называют такими потому, что им нет «прямого прототипа или аналога в общественных отношениях, которые обычно урегулированы правом» [7, с. 84]. Однако, как указывает В. И. Селиверстов, при всем многообразии определений суть специфических прав не меняется, ведь они понимаются как совокупность всех прав, которые возникают или существенно видоизменены в связи с фактом отбывания наказания [10, с. 83-84].

Относительно возможности признания таких прав формой выражения правовых ограничений существует мнение, что специальные права не могут выражать кару (как совокупность правовых ограничений), поскольку они оказывают осужденным различные блага. То есть, их нельзя рассматривать как правовое ограничение. Некоторые авторы утверждают, что есть такие специальные права, которые нельзя считать правовыми ограничениями, поскольку они являются гарантиями обеспечения жизнедеятельности личности и достижения целей наказания (получение гарантированного питания, жилья, индивидуального спального места, форменной одежды, коммунально-бытовых услуг и т. п.). Что же касается другой категории этих прав (свидание с родственниками или иными лицами, получение посылок и передач, бандеролей и т. д.), то они, давая осужденным определенные блага, вместе с тем выступают в виде регуляторов кары, потому что выражают степень ограничения элементов личной свободы гражданина, отбывающего уголовное наказание [11, с. 96].

Другая противоположность научных подходов к правовой природе специального субъективного права и, соответственно, к возможности признания их формой правового ограничения обусловлена различием взглядов на отличие понимания специальных прав в зависимости от их соотношения с общим правовым статусом. Имеется в виду вопрос о возможности рассматривать специальные права как «остаточные», то есть как качественно однородные с определенным конкретным правом, принадлежащим свободному гражданину. Однако они имеют отличие, которое заключается в том, что эти права имеют суженное содержание и объем относительно прав, входящих в общий правовой статус. Они рассматриваются вроде как уменьшенная копия последних.

Как пример, в литературе приводится право семейной пары на выбор места жительства. Одной из его правомочий является право на совместное проживание и общение супругов, которое при осуждении к лишению свободы ограничивается, а в качестве его остатка осужденным гарантируется предоставление свиданий [7, с. 81]. Специальное право рассматривается как остаток общего субъективного права и другими авторами [12, с. 196]. Однако существуют и другие позиции, например, А. Е. Наташев считал, что право на свидание не может быть остатком прав граждан, поскольку такие права для граждан нормативно не закреплены [7, с. 80]. По сути, таким же образом предполагают неоднородность указанных прав с правами, входящими в общегражданский правовой статус, те, кто указывает, что специфические права не имеют аналога в общем правовом статусе [13, с. 111].

Поддерживая в большей мере первую из этих двух позиций и усматривая рациональные мотивы во второй, стоит привести некоторые аргументы в ее пользу. Ограничение права может означать уменьшение его содержания, в том числе путем изъятия определенного правомочия. Таким образом, в результате ограничения остается, так сказать, «надрезанное» право. Исходя из этого, известное содержание субъективного права может существенно изменяться вплоть до «неузнаваемости», однако это не исключает его происхождения от того или иного права в его первоначальном виде. В этом смысле нас может ввести в заблуждение изменение порядка реализации прав, ведь часто для осужденных он может быть существенно изменен, учитывая пребывание в условиях изоляции, однако, это еще не означает отсутствие их происхождения от прав свободных граждан.

Это приводит нас к определенному практическому выводу, что в случае, если одно специфическое право заменяет другое специфическое право осужденных как следствие изменений законодательства и оно меньше по объему, то оно может считаться формой установления ограничения. При закреплении нового специфического права, ранее не существовавшего или существовавшего в меньшем объеме, оно также должно признаваться ограничением. Хотя тогда расширяется мера дозволенного поведения осужденного, но она все равно остается меньше, чем для свободных граждан. Поэтому здесь вывод может показаться несколько противоречивым – ограничение в таком случае имеет место, но оно расширяет предыдущие права осужденного, правда, все же оставляя его суженным по сравнению с правом других граждан.

Представляет собой также интерес то, в каких формах может закрепляться «остаточное право». На наш взгляд, они такие:

1) непосредственно, исходя из одного лишь закрепления отдельного субъективного права. Например, из анализа права осужденных на свободное время (ст. 129 УИК Украины) при таком типе закрепления специального права можно вывести правовое ограничение, исходя из сопоставления этого права с его прототипом у свободных лиц. Понятно, что содержание права на отдых в условиях лишения свободы существенно отличается как следствие

его специального регламентирования, которое заключается в том, что возможность выбора периода этого свободного времени обусловлена внутренним распорядком. Кроме того, деятельность, которая может осуществляться в течение свободного времени, ограничена запрещенными УИК Украины видами деятельности (ч. 2 ст. 129 УИК Украины), а также временем, в течение которого она может осуществляться (не менее двух часов в сутки в соответствии с ч. 3 ст. 129 УИК Украины). Другим примером когда, прежде всего, существенно изменяется объем права, а не его содержание, является право лиц, лишенных свободы, на расходование определенной суммы денег на продукты питания и предметы первой необходимости (ч. 1 ст. 139, ч. 2 ст. 140, ч. 5 ст. 151 УИК Украины);

2) как остаточное субъективное право, но связанное с запретом совершения определенных действий. Например, право вести телефонные разговоры с лицами, находящимися за пределами колоний (ч. 1 ст. 107 УИК), обусловлено и связано одновременно существующим запретом использования с этой целью мобильных телефонов.

Представляется, что специальные права, хотя и являются мерой возможного поведения, все же уменьшают эту меру по сравнению с правами, которые они «заменяют». Это объясняется тем, что эти права одновременно включают в себя запрет. Однако если смотреть с этой позиции, то каждое субъективное право содержит запрет, ведь имеет свои пределы, а выход за эти пределы запрещен. Впрочем, запреты, вытекающие, а точнее, содержащиеся в специальных субъективных правах, в отличие от запретов, имманентно присущих каждому субъективному праву (которые определяются, исходя из пределов субъективного права), имеют ограничительный характер, что связано со сравнительно большим объемом запрещенного. Это, в свою очередь, приводит к уменьшению дозволенного. Этим, среди прочего, можно обосновать признание остаточного права правовым ограничением;

3) не находя своего непосредственного отражения. Специальное право в этом случае вытекает с ограничения, его содержание устанавливается по формуле: содержание и объем субъективного права, которое входит в общий правовой статус граждан минус содержание и объем правового ограничения. Если, например, согласно п. 4 ст. 107 УИК Украины осужденным к лишению свободы запрещается играть в настольные игры с целью получения материальной или иной выгоды, это означает, что осужденным разрешается играть в настольные игры с другой, чем получение материальной и иной выгоды, целью. Этот подход возможен только при признании применения при регулировании этого типа отношений разрешительного типа правового регулирования, согласно которому «разрешено все, что не запрещено». Вместе с тем с указанной нормой УИК Украины следует соотносить правило п. 76 Правил внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний о том, что осужденным может быть разрешено пользоваться шахматами, шашками, нардами, домино в свободное от работы время. Ведь существование такой «оговорки» будет означать полный

запрет играть в настольные игры независимо от того, направлено это на получение материальной выгоды в несвободное от работы время.

Таким образом, в зависимости от происхождения остаточного права возможно, как представляется, понимание остаточных прав одновременно как результата правового ограничения (третий вариант) и как формы правового ограничения (первый и второй вариант).

Следовательно, наличие остаточного характера у специального права свидетельствует о том, что имеет место правовое ограничение. Такой тип специального права может рассматриваться как форма правового ограничения, за исключением разве что такого специального остаточного права, которое выводится из ограничения. Последнее, описанное в третьем варианте право, не может рассматриваться как форма правового ограничения в связи с тем, что оно не соответствует определению формы как таковой [14, с. 220]. Если же мы признаем действие при регулировании правовых отношений разрешительного типа правового регулирования, т. е. «разрешено все, что прямо указано в законе», нужно будет признать и то, что специальные остаточные субъективные права не являются правовым ограничением. Ведь в таком случае лишение осужденных этих прав означало бы лишение возможностей, которые под ними понимались, в отличии от общеразрешительного типа регулирования, при котором изъятие специального остаточного права означает только расширение степени возможного поведения в размерах, доступных для свободных граждан, с теми лишь ограничениями, которые существуют объективно в связи с помещением в учреждение исполнения наказаний.

От того, какую позицию занять, а именно: есть ли специфические права остатками общегражданских или они являются отдельными, не производными от общегражданских прав, и будет зависеть возможность признания субъективного права формой правового ограничения. Однако, представляется, что ответы на этот вопрос ни в коем случае не могут рассматриваться как взаимоисключающие. То есть невозможно определение всех специфических прав как производных или непроизводных. Нам кажется, следует выделять два типа специфических прав: остаточные и дополнительные.

Понимание остаточных прав описано выше, что же касается дополнительных прав, необходимо иметь в виду следующее. Осужденные имеют ряд субъективных прав, которыми не обладают свободные граждане. Их содержание в корне отличается от прав свободных граждан, из-за чего они не присущи последним. К таким правам, можно отнести, например, пользование услугами, которые предоставляются в местах лишения свободы, в том числе дополнительными, оплачиваемыми, принимать участие в работе самостоятельных организаций и кружков социально полезной направленности (ч. 1 ст. 107 УИК Украины). Они предоставляются «взамен» невозможности осуществления подобных прав, которыми пользуются свободные граждане и существуют для того, чтобы «частично компенсировать правоограничения» осужденных [16, с. 38]. Они не сужают содержание и объем прав, входящих в общий пра-

новой статус, ведь их содержание принципиально отличается от содержания прав общегражданских. Напротив, их отмена имела бы своим последствием ограничение прав осужденных, именно поэтому эти права должны восприниматься как расширяющие существующую меру возможного поведения, а потому, однозначно, не могут рассматриваться как правовые ограничения. Свободные граждане не имеют таких прав, они им и не нужны, их необходимость детерминирована условиями отбывания наказания в закрытой среде, а также невозможностью фактической реализации тех прав, которые де-юре за ними остаются.

То же право на обеспечение индивидуальным спальным местом, обеспечение специальной одеждой по сезону недоступно для свободных граждан. Одновременно эти права имеют специфику, ведь они всегда связаны с запретами, например, право на обеспечение индивидуальным спальным местом связано одновременно с запретом менять индивидуальное спальное место, свободно выбирать его. Право на обеспечение одеждой по сезону связано с лишением возможности ношения гражданской одежды (за исключением отдельных категорий осужденных к лишению свободы на определенный срок, и осужденных к аресту).

Более того, лица, отбывающие наказание в исправительных колониях, из начисленного им заработка, пенсий и другого дохода возмещают стоимость питания, одежды, обуви, белья, коммунально-бытовых и других предоставленных услуг, а неработающие лица содержатся на средства, имеющихся на их лицевых счетах. В случае отсутствия у осужденного средств на лицевом счете исправительная колония имеет право предъявить ему иск через суд (ст. 121 УИК Украины).

Описанное разделение специальных прав на остаточные и дополнительные является достаточно размытым и условным. Оно осуществлено на основании критерия наличия связи с тем или иным правом, входящим в общий правовой статус граждан. Если такая связь прослеживается, то это остаточное право, если же нет, то это право дополнительное. Однако более детальный анализ действующего законодательства и содержание закрепленных в нем общегражданских прав дает возможность идентифицировать отдельные правомочия, составляющие содержание дополнительных прав, хотя, возможно, и в «урезанном» или иным образом видоизмененном виде. Поэтому каждое дополнительное право можно рассматривать как своего рода остаточное, однако разница между остаточными и дополнительными правами заключается в наличии большого содержательной разницы между ними и правами свободных граждан, с которыми мы их соотносим при необходимости определения их происхождения от последних. Размер этой величины, необходимый для отнесения специального права к дополнительному, остается условным, так как определить его точно невозможно. Наверное, именно это стало причиной различия взглядов ученых на возможность признания некоторых специальных прав остаточными.

Таким образом, относительно специальных субъективных прав, которыми пользуются только осужденные, ответ на вопрос о том, считать ли их ограничениями прав, зависит от типа правового регулирования, который мы признаем в уголовно-исполнительном праве. Дополнительное право, то есть такое, которое не находит прототипа в правах, относящихся к общему правовому статусу, никогда не может признаваться ограничением. Одновременно специфические права, даже если они добавляют возможностей, которых раньше не было в правовом статусе осужденного, все равно следует признавать ограничениями.

Субъективное право как остаточное право может закрепляться в законодательстве непосредственно, исходя из закрепления одного лишь отдельного субъективного права, как остаточное субъективное право, но связанное с запретом совершения определенных действий, а также при определенных условиях вообще без непосредственного отражения.

Другое дело, что касается обязанности как формы ограничения права, ведь любое установление обязанности, которая накладывается на лицо вследствие владения специальным правовым статусом, является правовым ограничением. Установление обязанности всегда ограничивает то или иное субъективное право осужденного.

Список литературы: 1. Гегель Г. *Философия права* / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с. 2. Красовська В. Г. *Діалектична єдність правових стимулів та обмежень* / В. Г. Красовська // *Часопис Київського ун-ту права*. – 2008. – № 1. – С. 49 – 53. 3. Беляев А. А. *Правовое положение осужденных к лишению свободы* / А. А. Беляев. – Горький, Горьк. высш. шк.. МВД СССР, 1976. – 120 с. 4. Човган В. О. *Заборона як форма правообмежень засуджених* / В. О. Човган // *Від громадянського суспільства – до правової держави: тези VIII Міжнар. наук. Internet-конференції студ. та мол. вчених*. – Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2013 / [Електронний ресурс] / Режим доступу : <http://www-jurfak.univer.kharkov.ua/naukghittia/newest.Pdf>. 5. Матузов Н. И. *О сущности, содержании и структуре юридической обязанности* / Н. И. Матузов, Б. М. Семенко // *Вопросы теории государства и права*. – Саратов, 1983. – С. 58 – 72. 6. Самощенко И. С. *Ответственность по советскому законодательству* / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин – М., 1971. – 239 с. 7. Селиверстов В. И. *Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказание* / В. И. Селиверстов. – М.: Акад. МВД РФ, 1992. – 151 с. 8. Ткачевський Ю. М. *Советское исправительно-трудовое право* / Ю. М. Ткачевський. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 232 с. 9. Ефимов М. А. *Основы советского исправительно-трудового права* / М. А. Ефимов. – Свердловск, 1963. – 159 с. 10. Ширвинд Е. Г. *Советское исправительно-трудовое право* / Е. Г. Ширвинд, Б. С. Утевский. – Госюриздат, 1957. – 244 с. 11. Осауленко О. І. *Правовий статус громадянина України, який відбуває покарання* / О. І. Осауленко // *Науковий вісник Української академії внутрішніх справ: науково-теоретичний журнал*. – 1997. – № 1. – С. 93 – 97. 12. Беляев Н. А. *Советское исправительно-трудовое право* / Н. А. Беляев, В. С. Прохоров. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 294 с. 13. *Малинин В. Б. Уголовно-исполнительное право: учебник* / В. Б. Малинин, Л. Б. Смирнов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. – 324 с. 14. *Гончар Л. Ф. Философия: учеб. пособ.* – М.: МГИУ, 2008. – 350 с. 15. *Михлин А. С. Уголовно-исполнительное право: краткое пособие и основные нормативные правовые акты* / Сост. алф.-предм. указ. В. А. Казакова. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2008. – 384 с.

**СПЕЦИФІЧНІ ПРАВА ЗАСУДЖЕНИХ ТА ЇХ ОБОВ'ЯЗКИ
ЯК ФОРМИ ПРАВООБМЕЖЕНЬ**

Човган В. О.

У статті аналізуються такі форми обмежень прав засуджених, як обов'язок та специфічне суб'єктивне право. Наведено приклади, як ці форми обмежень можуть відобразитись у законодавстві. Показано, що обов'язок завжди є обмеженням прав засуджених. Розглянуто випадки, в яких специфічне суб'єктивне право може бути формою обмеження права засудженого.

Ключові слова: обмеження прав засуджених, правообмеження, засуджені, пенітенціарна служба, виконання покарань, кримінально-виконавча система, права засуджених.

**SPECIFIC PRISONERS' RIGHTS AND THEIR OBLIGATIONS
AS FORMS OF HUMAN RIGHTS RESTRICTIONS**

Chovgan V. O.

This article examines such forms of restrictions on rights of prisoners as an obligation and a specific subjective right. Examples of how these forms of restrictions may appear in legislation are disclosed. It is shown that obligations of prisoners should be always considered as restriction of prisoners' rights. The cases in which a specific right can be recognized as a form of restriction on rights of prisoners are described.

Key words: prisoners' rights restrictions, prisoners, inmates, penitentiary service, penitentiary system, rights of prisoners.

Поступила в редакцію 24.02.2014 г.